

В Е Р А
Калачкава

Пог парусом
Надежды

Секреты женского счастья

Вера Колочкова

Под парусом надежды

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колочкова В. А.

Под парусом надежды / В. А. Колочкова — «Эксмо»,
2018 — (Секреты женского счастья)

ISBN 978-5-04-098693-4

Кира Воротынцева считала себя разумной девушкой. Умело избегала конфликтов, строила большие планы на жизнь. Она с ранних лет знала, что правильно, а что нет. И потому выбрала себе престижную профессию юриста. С отличием окончила университет, наладила личную жизнь с однокурсником Кириллом, сыном успешного адвоката. Все складывалось удачно, впереди маячила обеспеченная жизнь. Но все чаще Кира чувствовала, что идет не той дорогой и не с теми людьми. А если так будет продолжаться, то совсем скоро она пройдет мимо самого главного — мимо настоящей любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098693-4

© Колочкова В. А., 2018
© Эксмо, 2018

Вера Колочкова

Под парусом надежды

– Кира, а давай с тобой вина выпьем! Я столько этого дня ждала, ты себе не представляешь!

Мама подскочила с дивана, распространив вокруг себя сладковатый аромат арабских духов. А может, они были вовсе и не арабские. Просто приторные. Интересно, почему у женщин после сорока пяти вкус на духи меняется? Прямо тянет их на остро-сладкие восточные ароматы, точно они постаревшие, но все еще претендующие на любовь жены султана. Так, наверное, и пахнет у них там, в гаремах...

Кира поморщилась невольно, но тут же спряталась за благодушной дочерней улыбкой. В конце концов, у мамы сегодня и впрямь большой праздник – дочь институтский диплом домой принесла. И не какой-нибудь там обыкновенный синюшный, как у всех остальных выпускников их юридического факультета, а красненький, яркий. Открываешь – а он еще типографской краской пахнет. Это от синюшных дипломов ничем не пахнет, потому что их много всегда делают. Впрямь. Чтоб всем хватило. А красные – специально заказывают. Как мама заявила, только для таких выраженных индивидуальностей, как ее дочь, Кира. Потому что она способнее и умнее остальных. Потому что у Елены Андреевны Воротынцевой, Кириной мамы, другой дочери ну просто никак, ни при каких обстоятельствах случиться не могло. Потому что умные и способные дети, они же не просто так, сами по себе, умные да способные, они ж благодаря родительскому исключительному вниманию такими получаются. Так сказать, по заслугам им воздаются. Если имеются у тебя заслуги по воспитанию – хороший ребенок вырастает, а если уж нет – то уж извините. Получайте, что заслужили. А сам по себе ребенок вроде и ни при чем. И даже поспорить на эту тему с Кириной мамой нельзя было. То есть совсем бесполезное это занятие – спорить. Лучше и не пытаться. Кира, впрочем, и не пыталась... Сидела и слушала эту галиматью вот уже час, и терпела, и послушно кивала. И это вместо того чтобы с чистой совестью праздновать окончание учебы в компании однокашников. А что делать – маму тоже обижать нельзя. Пусть говорит, пусть тешит свое родительское тщеславие. Жалко, что ли? Если женское мамино тщеславие потешить некому, пусть хоть родительское порадует. Ей же так не терпелось, просто до дрожи в руках не терпелось взять в руки эту красную книжицу...

– Вот! Специально для этого случая берегла! Настоящее, французское! – бухнула мама с размаху на журнальный столик красивую длинную бутылку. Звякнув фужерами, она снова собралась было сесть с ногами на диван, но тут же взмахнула маленькими ручками: – Ой, а штопор! Я штопор забыла! А где он, Кира? На кухне, наверное... Ой, мы так редко вино пьем, что я не помню даже, где у нас штопор лежит...

В открытую дверь комнаты Кира увидела, как, пробегая по короткому пространству между комнатой и кухней, мама на мгновение задержалась перед зеркалом. Потом посплюнула привычным жестом пальчики, такими же отработанными движениями пощипала челку, потом перышки на висках, потом повертела по-птичьи головой туда-сюда и, видимо, оставшись довольной своим посплунувшим видом, скрылась на кухне. Нет, прическа у мамы, конечно, была всегда стильная. Небрежная вроде бы, будто ветром стихийным взлохмаченная. Но это только казалось так – а на самом деле это была парикмахерская обманка такая. Кира видела, сколько времени над этой самой обманкой трудилась тетя Люся, мастер-стилист из дорогого салона, а по совместительству мамина закадычная приятельница и в главных делах советчица. Она и на Кирину голову неоднократно покушалась с целью наведения на ней модно-стильного порядка, да Кира не далась. Еще чего – два часа на саму себя в зеркало пялиться, обмотавшись клеенчатой жесткой штуковиной, которую тетя Люся уважительно именуется пеньюаром... Времени же просто жалко! А волосы можно и в хвост убрать, гладко зачесав назад. Тем более ей

идет. Все так говорят. И Кириллу нравится. Он сам недавно признался, что на этот ее необузданный конский хвост и запал.

Странно отношения у них с Кириллом сложились. Как-то вдруг. Ни с того ни с сего, можно сказать. Проучились вместе пять лет, и ничего, как говорится, не предвещало, а на зимней последней сессии взяли и «задружили» взахлёб. Именно задружили, как выразились ребята из группы. Не в койку сломя голову бросились, а все честь по чести – с проводами до дому, с посиделками в кафе, с прогулками по городскому парку, с бросанием хлебушка двум серым лебедям на весеннем пруду. И имена у них оказались такие друг для друга подходящие, как на заказ – Кира и Кирилл...

Хотя девчонки из группы упорно подозревали ее в некоторой расчетливости – папа-то у Кирилла был тот что надо папа. Известный в городе адвокат Линьков. И не просто адвокат, а хозяин целой адвокатской конторы. И намекали девчонки всячески, что не зря, мол, она своим пышным конским хвостом Кирюху Линькова приманивала. Что, мол, таким вот примитивным способом захотелось ей зацепиться за хорошее местечко, в стажеры к папе попасть. Вроде того, она и сама все пять лет учебы талдычила, что мечтает хорошим адвокатом заделаться. А пойдя, попробуй, заделайся им на пустом месте! Кто тебя за просто так, с улицы, в эти стажеры возьмет? Кому это нужно – учить да натаскивать тебя за счет своих же адвокатских хлебов целых два положенных года? Никому и не нужно... Кира отщучивалась, конечно, как могла, то есть ловко отпрыгивала от летящих в ее сторону колких стрелочек, но все равно слегка ей обидно было. А с другой стороны – это ж нормально, наверное? Зависть – чувство вполне реальное, понятное и очень даже со всех сторон объяснимое. Они и пятеркам ее точно так же завидовали, и фигуре модельной, и лицу без косметики, и манере держаться – независимо, особняком... Так что и на здоровье им – пусть себе подозревают ее в расчетливости. Не объяснять же, в самом деле, что это просто совпало так счастливо, все в одном флаконе – и красный диплом, и Кирюха, и папа адвокат.

– Вот, нашла! – радостно провозгласила мама, вернувшись из кухни со штопором. – Сейчас откроем и нальем... Нет, это ж надо – счастье какое... Я так рада за нас с тобой, Кира! Я ведь правильно говорю – за нас с тобой? Согласись, в твоём успехе и моя доля есть... Правда? Без меня и ты бы не состоялась.

– Правда, правда, мамочка. Конечно же, есть. Ну куда я без тебя? Ты у меня молодец.

– Ничего себе, молодец... – обиженно подняла к ней голову мама. – Как это – молодец? Да я... Я же, можно сказать, всю жизнь тебе отдала, до последней капельки.

– Мам, ну не придирайся к словам. Дай лучше я открою, а то у тебя штопор вон криво пошел...

– Нет уж, давай договорим, раз начали! А ты что, по-другому считаешь, что ли? Что я просто мать-молодец и все? Да вон их сколько, матерей-молодцов этих! Сплошь и рядом только и делают, что судьбы свои устраивают в первую очередь, а дети для них – параллельная линия! А я... Да я всю жизнь... Я ведь тоже могла замуж выйти...

– Ма-ма-а-а... – жалостливо протянула Кира, отбирая из задрожавших материнских рук бутылку. – Ну перестань, пожалуйста...

– Да что – перестань? Я тоже могла как-то устроить свою судьбу! Но я этого не сделала – ради тебя! Чтобы ты в люди вышла, чтоб добилась чего-то в жизни. А ты не понимаешь! Да если б я только захотела... Я бы сорок раз могла замуж выйти.

Плюхнувшись на диван рядом с дочерью, Елена Андреевна всхлипнула, приготовившись всплакнуть. Кира сидела, смотрела на нее растерянно и виновато. И что она, в самом деле, так оплошала – надо было ей самой догадаться, каких таких слов от нее мама ждет. И сказала бы, не убыло бы от нее! Чего тут непонятного-то? Каждая же мать считает, что она себя всю ребенку своему отдала! А тем более, ее мама так считает, у которой никаких таких возможностей про «сорок раз замуж» и вовсе не было. И даже одной, самой разнесчастной возможности

на горизонте не появилось. Когда отец их бросил, маме уж под сорок было. Хотя и странно, почему этих проклятых возможностей так и не появилось – вполне она у нее интересная женщина. И следит за собой, и стрижки вон модные носит, и готовит неплохо...

– Мам, да ты у меня самая замечательная мать на свете! – потянулась к ней с объятиями Кира. – Ну чего ты, в самом деле? Ты думаешь, я ничего не понимаю, что ли? Это же... Это же подвиг настоящий! Остаться одной, учить ребенка пять лет в институте.

– Да! И без всякой помощи, заметь! На скромную учительскую зарплату! А отец твой хоть чем-нибудь нам помог? Ну вот скажи, помог? А я выкручивалась, как могла. Только я одна знаю, как тяжело мне это далось.

Кира хотела было сказать, что и она тоже в этом «тяжело далось» немалое участие принимала, но вовремя прикусила язык. И правильно, что прикусила. Еще того не хватало, чтоб она сейчас ныть начала, как ей тоже нелегко было нестись после лекций на всякие студенческие подработки. Слава богу, подработок этих – завались. Можно, например, промоутером в супермаркете горло надирать, выкрикивая в толпу про выгодную акцию «купите две банки майонеза – третья в подарок», можно, напялив на себя дурацкий плюшевый костюм чебурашки, раздавать бумажки-завлекалки около детского магазина одежды, можно и в «Макдоналдсе» только на вечерние смены договориться... А потом сидеть всю ночь над учебниками, чтоб не сойти со своей спринтерской дорожки, финал которой она сама себе с первого курса определила в виде вот этой красной книжечки, красующейся на столе рядом с бутылкой хорошего французского вина...

– Ладно, мам, ну чего ты, в самом деле? Все же хорошо. Видишь, все у нас с тобой получилось. Мы обе молодцы, мам. И я, и ты. Давай выпьем за наш успех!

– Давай... – улыбнулась сквозь слезы Елена Андреевна. – За нас с тобой, доченька.

Французское вино оказалось кислым, аж скулы свело. И чего это им все так восхищаются? Кира передернулась слегка, скосила глаза на мать. Та, наоборот, закатив глаза к потолку, произнесла мечтательно:

– Ой, прелесть какая... Это вино мне Люся из Парижа привезла. Вот же счастливая! По Парижам ездит...

– Ничего, мамочка, и ты поедешь. Какие твои годы? Вот заработаю денег и непременно отправлю тебя в Париж.

– Правда? – выгнув спину и поставив бокал на стол, повернулась к дочери Елена Андреевна. – Неужели и правда так будет, Кирочка?

– А то! Конечно, правда! Ну, может, не так скоро. Но я буду стараться, мамочка. Поработаю два года стажером у Кирюшкиного отца, потом тоже адвокатом буду... У меня все получится! Ты же знаешь, я упорная. И еще – мне всегда везет! Я много денег заработаю, вот увидишь!

– А я в этом и не сомневаюсь, Кира. При такой специальности грех не зарабатывать. Знаешь, что мне больше всего в твоей будущей профессии нравится?

– Что, мам?

– А то, что в ней зарплатной безысходности нет! Вот возьми меня, например... Я всю свою жизнь на зарплате сижу. И всегда точно и определенно знаю, какую сумму получу раз в месяц. Просто до последней копейки знаю. Согласись, что в этом есть тоска какая-то... Безысходность жизненная. А у тебя впереди – полет! Возможности! Все-таки как тебе повезло, что именно с Кирюшей у тебя отношения сложились. А я, знаешь, так боялась об этом всегда думать, доченька. Боялась, что влюбишься в какого-нибудь обормота, как я когда-то, и он тебе всю жизнь испоганит.

– Я? Влюблюсь? В обормота?

– А что? Я знаю, что говорю! А Кирюша, он у нас... хороший такой.

– Да, хороший... – тихо проговорила Кира. – Конечно, хороший.

- Доченька, а он это... про свадьбу еще не заговаривал?
- Да рано еще, мам... Мы только полгода встречаемся. Какая свадьба?
- Как это – рано? И ничего не рано. У вас серьезные отношения. И родителям его ты понравилась, сама говорила. Не зря же Кирюшин отец тебя к себе на работу пригласил.
- Ага... А завтра я к ним на дачу еду, будем наши дипломы обмывать.
- Правда? А почему ты мне ничего не рассказываешь? Ну-ну... И кто там будет?
- Да никого не будет. Так, отметим в узком семейном кругу, как Кирюшина мама выразилась. Шашлыки и все такое прочее...
- Ну вот видишь! Раз тебя зовут в узкий семейный круг, это уже о многом говорит! А когда ты едешь?
- Да прямо с утра. Кирилл за мной на машине заедет.
- Ой, как хорошо. На машине. На дачу. На шашлыки. Нет, ты сама своего счастья не понимаешь, доченька! Эх, мне бы хоть денек пожить такой вот жизнью. Ну, ничего! Раз мне не довелось, значит, ты за меня хорошую жизнь проживешь! А потом вы поженитесь, и у вас будет свой большой дом. И машина... И отпуск на Гавайях... Прямо как начинаю об этом думать – сразу голова кругом идет! Нет, не зря все-таки я свою несчастную жизнь прожила.
- Мам, ну почему – прожила? И почему – несчастную? Что за настроения такие? Вот, опять плакать собралась.
- Ой, да я от счастья, доченька. И от гордости за тебя. Это ж надо, моя дочь – адвокат! С ума можно сойти!
- Ну, до адвоката мне еще далековато, мам. Я еще стажером два года буду. Может, и адвоката из меня никакого вовсе не получится.
- Не говори так, Кира! Как это – не получится? Обязательно получится. И вообще, не мешай мне радоваться. У меня сегодня звездный час, именины сердца, а она – не получится. Я столько лет к этому дню шла, столько слез горьких в подушку выплакала.
- Ой, не начинай, мам! Прошу тебя!
- А этот... этот мерзавец, отец твой... Он теперь пусть мне завидует. Потому что у него теперь ничего нет, а у меня – дочь адвокат! Вот так вот! А он пусть пропадает, раз так со мной поступил! Бог, он все видит! И каждому воздает по заслугам! Он думал, я пропаду без него... Как же.
- Ну вот, опять ты. Столько лет прошло, а все обиду свою забыть не можешь.
- Да, доченька, не могу. Хоть и наказал его бог, а я никак забыть не могу. И никогда, наверное, не забуду.

Они замолчали, задумавшись каждая о своем. Вернее, тема этого молчания, конечно, общей у них была, только мысли на эту тему были разные. Да они и должны быть разные, эти мысли. Потому что они друг другу кто? Они – мать и дочь. А отцу, выходит, бывшая жена и бывший ребенок. Но ребенок – он же бывшим не может быть, правда? Это жена – бывшая, это она может позволить себе сменить любовь на ненависть, а ребенок от этой любви никуда не денется. Не убьешь ее, не поменяешь, не выбросишь. Вот спрятать ее поглубже в себя можно, это да. Это что ж, это пожалуйста. Чтoб маму не обидеть. Спрятать и поддакивать маме в ее женской обиде, и костерить на чем свет стоит бедолагу-отца. А что – он же и в самом деле бедолага! Про таких говорят – плохо кончил. Хотя ему показалось тогда, будто жить только начал. Тогда, десять лет назад, когда приспичило ему вдруг влюбиться. И так он страстно в эту срочно-приспиченную любовь ринулся, что про все забыл. И про нее, про Киру, тоже забыл. Что ж, бывает. Она очень сильной была, та, другая женщина. Волевая бизнесвумен. Вырвала его из семейной жизни одним махом, как редиску с грядки, даже про Киру ничего слышать не захотела. Раз, мол, новая любовь у тебя, то и жизнь должна быть новенькой, с чистого белого листа начатой. Без всяких там бывших жен и дочерей. А отец – он красивым всегда мужиком был... Породистым таким. На артиста походил. Его даже за артиста принимали, люди на улицах

подходили, просили разрешения сфотографировать. Мама этим обстоятельством очень забавлялась... Она-то знала, что характер у него мягкий, безвольный, а мужественность – только во внешности. А вот бизнесумен этого поначалу совсем не поняла. Обманулась жестоко в своих надеждах. Все пыталась к своему бизнесу его приспособить. Не для красоты же его в доме держать, в самом деле! Красоты у нее и своей хватало. Как она старалась его переделать! Но ничего путного из отца не получалось. Не все же на этой стезе процветают, не каждому такое счастье дано! Есть такие люди, которые будто для того богом и созданы, чтоб на маленькую зарплату жить. Предназначение у них такое. А когда это предназначение судьба ломает, они тоже ломаются. Вот и отец сломался. Пить крепко начал, поверив в полную свою человеческую неполноценность. Так крепко, что лицо его красивое стало совершенно обыкновенным лицом пропойцы. В общем, выгнала отца бизнесумен прочь из своей красивой жизни. В чем пришел домой из очередного запоя, в том и выгнала. Мама, когда эта новость до нее дошла, обрадовалась совершенно неприлично – Кире даже неловко за нее стало. И отца жалко. Так жалко, что она на другой же день к бабушке, отцовой матери, поехала, хотела с ним поговорить... Только не получилось никакого разговора, конечно. Злой был отец. Пьяный и злой. Кира и не видела, и не знала его таким.

– ... Нет, никогда не забуду! – повторила со злорадной страстью Елена Андреевна, со стуком поставив пустой фужер на стол. – Как я тогда убивалась, когда он нас бросил, ты помнишь? Я же чуть руки на себя не наложила! Носилась над ним, как курица, любила, ублажала, а он... Ты помнишь, как он уходил? Я у порога под ноги ему бросилась, а он переступил и пошел.

– Да, мам. Я помню. Я все помню.

Она еще хотела добавить, что все равно нельзя жить этой обидой, но не стала. Зачем? Выпорхнут ее слова птичками в раскрытое настежь окно и улетят в никуда. Все-таки железобетонная вещь – эта женская обида. Ничем ее не пробьешь. Так и чего тогда в нее головой стучать попусту? Надо все принимать, как есть. Обида, говорите? Что ж, пусть будет обида, раз вам так жить нравится. Примем как факт. Учтем. Промолчим. Поставим галочку. Нельзя рыться в чужих эмоциях, надо принимать их за исходную данность, как Кирилл говорит. Полезная для адвоката привычка, между прочим. Иногда он и в самом деле умные вещи толкует, ее бойфренд Кирилл, сын известного адвоката Линькова.

– Кира, а мама у Кирюши красивая? – неожиданно сменила грустную тему Елена Андреевна. – Она моложе меня или как?

– Не знаю, мам. Она из тех женщин, которые... без возраста. Ухоженная, подтянутая...

– А я что, неухоженная? И не подтянутая? – обидчиво протянула Елена Андреевна.

– Да ты у меня из всех красавиц красавица, мамочка! Что ты! Тебя даже и сравнить ни с кем нельзя! И рядом поставить!

– Правда? – засияла навстречу детской улыбкой мать. – Правда, Кирочка? А я так боюсь, знаешь...

– Чего ты боишься?

– Ну вот будет у вас с Кирюшей свадьба... У него и отец, и мать... А я одна... Заявлюсь жалкой старушенцией, брошенной женой. Не тащить же мне с собой твоего отца-алкоголика.

– Боже, мамочка, ну что у тебя за мысли такие странные! Еще и свадьбы никакой нет, а ты уже такой ерундой озаботилась!

– Это не ерунда, Кира. Для меня, по крайней мере. Ты просто не понимаешь, как мне все это нелегко.

– Я понимаю, мам. Не бойся ничего, все будет хорошо. Давай, что ль, еще накатим вина этого французского, да я пойду ужин готовить. Лягушачьих лапок, я надеюсь, тетя Люся тебе из Парижу не привезла? Нет? Тогда привычной картошки нажарим! И картошечка сойдет, пока адвокатских заработков за душой не имеется.

* * *

Утреннее позднее солнце, собравшись с духом, приготовилось, судя по всему, снова излить на бедный город изрядную порцию зноя. Жара вот уже несколько дней стояла просто невыносимая. В короткие ночные часы город и отдохнуть-то как следует не успевал, ворочались бедные люди на своих диванах да кроватях, духотой томимые, в ожидании целительного сна. Смыкались, утомленные тяжестью, веки, и проходили там, под веками, целые отары баранов – все без толку. Потому и вставать рано в это субботнее утро никому не хотелось. Потому и пробки образовались на выезде из города просто нечеловеческие. Наверное, у каждого дачника был свой расчет: пусть, мол, все с раннего утра за город выезжают, а я уж попозже, когда дорога свободной будет. Вот и застряли, умные такие да расчетливые, в единой, дышащей выхлопными газами пробке, вот и томились в стремлении поскорее вырваться на продуваемую ветрами открытую дорогу. Уже час как томились. «Прямо наказание в виде лишения свободы, – подумала, нервно усмехнувшись, Кира. – Массовая дорожная репрессия. И за что нам, без того жарой измученным, такое наказание?»

Кира вздохнула тяжело, закрыла глаза, попыталась настроиться мыслями на что-нибудь положительное. И так, что же мы имеем в этой ситуации такого уж хорошего? Надежду имеем на то, что все пробки когда-нибудь рассасываются – это раз. Что летняя жара, если уж сравнивать, намного лучше холодного осеннего дождя – это два. Что парень, который рядом сидит, очень мне дорог. И что еду я не куда-нибудь, а на дачу к родителям этого дорогого парня... Вот если бы только кассету в магнитофоне этот парень сменил, тогда б совсем хорошо стало. Ну что это за музыка в моду вошла? Бухает на одной ноте прямо по мозгам – раздражает же! А еще было бы хорошо, если б этот парень не двигал шеей, как гусь, в такт противному бубуханью, и не курил одну сигарету за другой...»

– Кир, не кури, пожалуйста, а? И так дышать нечем... – попросила Кира жалобно. – Еще и бензином воняет, терпеть не могу этот запах.

– Хм... А как ты собралась за рулем ездить, интересно, если тебя запах бензина раздражает? – повернул к ней голову Кирилл. – Давай уж привыкай, подруга. Все тетки к нему как-то пристраиваются, и ты давай тоже.

– Ну, пока я до этого руля доберусь, сколько воды утечет.

– Да несколько не утечет! Отец вчера сказал, что уже договорился с какими-то там курсами, с понедельника учиться пойдешь.

– Что, правда? – вмиг оживилась Кира. – Ничего себе!.. Но там же... Там же деньги платить надо, Кирилл. И не маленькие, насколько я знаю. А я... Я пока не готова...

– Ладно, не суетись. Раз отец за это дело взялся, значит, никто с тебя никаких денег не спросит. Тут одно из двух: или он сам заплатит, или начальник этих курсов его бывший благодарный клиент. Скорее всего, так и есть. Так что готовься помаленьку к новой автомобильной жизни. А я тебе помогу в меру своих сил. Хочешь, бензинчику в пузырек из-под духов налью? Утром встанешь, понюхаешь для адаптации... И на ночь тоже...

– Да ну тебя! – вяло махнув рукой, засмеялась Кира. – Мне все равно как-то неловко, Кириш... Я думала, я сама как-то. Попозже, когда денег на эти курсы накоплю...

– Ой, да брось! Или ты это... сильно гордая, что ли?

– Ну почему – гордая? Нет, я не гордая. Я самостоятельная. Я и сама могу. Ты же знаешь.

– Да знаю, знаю. Не хвали себя, а то сглазишь.

– Я и не хвалю.

– И правильно. И не надо. Мои предки и так от тебя тащатся, как два удава от кролика. Послушать – так вроде именно ты им дочь родная, а я так, пасынок приبلудный. Отцу даже в кайф, по-моему, для тебя что-то приятное сделать. Объявит сегодня торжественно, что ты, мол,

Кирочка, с понедельника на курсах водительских учишься. Разыграй благодарное удивление, что ли! А то я, дурак, проболтался.

– Ладно. Разыграю. И все равно мне неудобно, Кирилл.

– Неудобно пешком ходить. И на общественном транспорте ездить тоже неудобно – там от простых граждан луком и рыбой воняет. А вот в машине ездить – удобно. Так что рассматривай эту ситуацию в правильном для себя соотношении. Или «неудобно» вместе с «воняет», или это «неудобно» взять и просто выбросить. О, смотри-ка, поехали! Ну, наконец-то.

Длинный автомобильный ряд дрогнул и радостно тронулся с места. Кира снова удобно разместила голову на подголовнике и чуть повернула ее в сторону Кирилла. Вообще-то ей нравилось наблюдать за ним, когда он сидел за рулем. Сразу другим становился – серьезным, сосредоточенным, деловым. Несмотря даже на это дурацкое дерганье головой в такт противной однообразной музыке. Нет, он и в обычной жизни старался изо всех сил быть деловым и сосредоточенным. Но... не всегда это у него получалось. С балбесинкой был ее парень, чего уж там. Но с балбесинкой приятной, обаятельной такой, ничего в общем и целом не определяющей. Да и то – отчего ж ему было не позволить себе наличие этой балбесинки, при таком-то папе. Можно и лекции спокойно прогуливать – все равно из института не выгонят, можно и на экзаменах не надрываться в погоне за пятерками – зачем они ему нужны, пятерки эти?.. Вожделенного рабочего места после института ему все равно искать бы не пришлось. Оно, это место, для него заранее определено было – у папы в адвокатской конторе, конечно. И не надо бегать по унижительным вакантным конкурсам и собеседованиям, и анкет дурацких заполнять не надо, и на вопросы работодателя отвечать не надо – как, мол, ты в институте учился, мил человек, покажи-ка... А мы тут подумаем и тебе позвоним... попозже. И это «попозже» может на долгие месяцы растянуться. И ничем так и не кончиться. А ты по наивности своей малолетней сидишь и ждешь каждый день, когда тебе соизволят позвонить и обрадовать приемом на работу. Как правило, никто этого звонка так и не дожидается. Если сразу не взяли, то уж и не возьмут.

И вообще, он очень даже обаятельный, ее парень Кирилл. Можно сказать, красивый даже. Ну... если не присматриваться слишком уж предвзято, конечно. Если не брать в расчет узкие и худые, совсем не спортивные плечи, и маленькие гладкие, почти детские ладошки. Ну да, не занимается он спортом. Хлипковат немного. Так опять же – зачем ему? Он и без бицепсов-трицепсов хорошо проживет.

– Эй... ты чего меня так рассматриваешь внимательно? – вдруг резко повернул к ней голову Кирилл. – Надеюсь, у меня на щеке слово матерное красными буквами не написано?

– Ну почему сразу – рассматриваю, – вяло протянула Кира, улынувшись. – Может, я тобой люблюсь так.

– А... Ну, тогда ладно. Тогда любуйся, – хохотнул он коротко. – Кстати, совсем забыл тебя спросить. Мне же маман велела обязательно тебя спросить, а я забыл!

– А что такое?

– Э, нет... Не торопись... Она велела спросить у тебя не в лоб, а... как это... погоди, я забыл... Тактично и ненавязчиво, вот как! Она у нас, знаешь, такая вот мадам, с реверансами. Спроси, говорит, так, чтоб Кирочка не обиделась.

– Так и спрашивай. Чего тянешь кота за хвост?

– Как это – спрашивай? А куда тогда тактичность девать? А ненавязчивость? Ну, ты, подруга, даешь.

– Что ж, тогда останови машину, выйди и реверанс передо мной сделай. Преклони колено, шляпой помашу.

– Так я бы вышел, только у меня шляпы нету, – снова хохотнул Кирилл, коротко взглянув на нее насмешливым карим глазом.

– Кирилл... Хватит уже. Спрашивай давай, чего ты. Я же волнуюсь. Вот что у тебя за манера такая – сначала озадачишь, а потом в кусты.

– Что это вы такое имеете в виду, девушка, говоря про кусты? Когда это я от вас в кусты скрывался, проделывая сеанс озадачивания? По-моему, у вас ко мне претензий на этот счет не было. Гусар галантен, но гусар обидчив, запомните это, девушка!

– Ладно. Запомню. Чего это на тебя с утра такое буйство юмора напало?

– Как это – чего? Просто показаться хочу с самой лучшей своей стороны. Чтоб осмыслила, какой я у тебя есть. А то сейчас папик с мамиком закудахчут над тобой с разных боков – ах, наша Кирочка приехала! – и тебе уж не до меня будет.

– Ладно. Будем считать, что я осмыслила. Ты же знаешь, я девушка покладистая. И все твои шутки юмора оценила. Говори уж, не томи, о чем там Марина велела меня спросить.

– Ну, раз оценила, тогда ладно. Тогда я без тактичности и ненавязчивости обойдусь. В общем, она тебе там кучу шмоток всяких собрала, целый огромный чемоданище.

– Каких шмоток?

– Да своих, каких! Нет, ты не думай, они все новые. Ну, может, по одному разу надеты только. Знаешь же мою мать, у нее же ку-ку насчет шмоток. Скупает их тоннами, а потом не успевает надеть. Отец смеется над ней, говорит, это последствия голодного детства.

– А у нее что, и впрямь голодное детство было?

– Ага. У дочери крупного чиновника из Внешторга детство, конечно, исключительно голодное было. И холодное. А как же. Иначе и быть просто не могло. Так что, договорились?

– О чем? Не поняла...

– Как о чем? Что я с тобой тактичный разговор провел на самом тонком психологическом уровне. Что ты поломалась из честной гордости, а потом согласилась принять дары. Не бойся, там тебе все подойдет, вы ж с маман моей одного размерчика.

– Да я и не боюсь. Просто неудобно как-то.

– Опять – неудобно? А что тебе удобно? По дешевым магазинам ходить да время терять в поисках более-менее приличной тряпочки?

– Кирилл! Я обижусь!

– Ну вот... – притворно вздохнул Кирилл, осторожно скосив на нее глаза. – Нет у меня, видно, никакого дипломатического таланта. Права была мамочка – с этим к тебе... с подходцем надо было. С реверансом... Ну не обижайся, любимая. Она же от души этот чемодан собирала. Ты бы видела этот процесс. Представь себе только на минуту мою мамочку над кучей шикарных тряпок! Глаза горят, фантазия плещет. Вот эту, говорит, блузочку она с брючками наденет, вот этот костюмчик с этим шарфиком, а юбочка и сама по себе хороша, ее можно и без блузочки, и без шарфика. Нет, любимая, и не вздумай даже отказываться и вылезать со своим этим «неудобно». Не лишай маму удовольствия.

– Ладно, не буду... – примирительно улыбнулась Кира. – Буду радоваться искренне и по-настоящему. Нет, я не иронизирую, ты не думай. Я и правда рада.

– А ты что? Тоже шмотки любишь?

– А як же? Что я, не женщина, что ли?

– О боже... Что меня ждет... Нет, жениться надо на сироте из дальней провинции и без красного диплома в кармане.

– Так зачем дело стало? На такой и женись!

– Поздно, поздно, батенька, боржоми пить. Мой поезд уже ушел, похоже. Уже и родители успели тебя полюбить, как дочь родную, и мама самые дорогие шмотки от сердца оторвала и в чемодан сложила, и стол с компьютером в папиной конторе для тебя приготовлен.

– А для тебя что, не приготовлен?

– И для меня тоже приготовлен, куда от него денешься. Даже отдохнуть после диплома не дали! Нечего, говорят, дурака валять.

– И правильно! И нечего! И я так же считаю!

– Вот-вот. И ты туда же. И вообще – очень уж ты подозрительно-гармонично вписалась в эту цепь беззаконий. Ладно, давай открывай глаза шире, улыбайся приветливо – подъезжаем уже.

Дачный поселок открылся им сразу же из-за реденького перелеска. Его высокие оцинкованные или крытые черепицей крыши было заметно издалека. Солнце ласково согревало их своими лучами. Это в городе солнце истязает, палит нещадно, а здесь, вдали от асфальта, бетона и выхлопов бензина, оно ведет себя совершенно по-другому. Здесь оно ласковое, игривое. Воздух пропитан запахом молодой полыни и первых садовых цветов...

– Наконец-то, ребята! Почему так долго? Я с десяти утра вас жду, от окна к окну бегаю... – Навстречу гостям вышла мама Кирилла.

Кира, сколько ее видела, всегда удивлялась ее легкой походке и подтянутой фигуре. Просто молодец женщина! Ни живота тебе возрастного, ни складочек рыхло-вялых. А годы-то явно за сороковник перевалили, между прочим. А у нее, вон, смотрите-ка, даже ниточки-перевязочки от модных стрингов из штанов по моде выглядывают...

– Кирочка, здравствуй, моя девочка! Ты почему бледенькая такая? Пойдем, я тебе гранатового сока налью. Кирюш, а тебе кофе сделать? Или вы есть хотите? Вы завтракали вообще?

– Ну что ты трещишь, женщина. Слово вставить невозможно, – показался на крыльце адвокат Линьков. – Чего ты спрашиваешь, давай все по списку. И сок, и кофе, и завтрак... Привет, ребята...

– Здравствуйте, Сергей Петрович, – сдержанно улыбнулась ему Кира.

– Ну что, диплом-то красный привезла, отличница? Обмывать будем?

– Ой, нет. Я не подумала как-то.

– Да ладно. Мы и так, без погляду его обмоем. Сейчас вот позавтракаем, потом искупаться съездим, потом шашлыков наделаем. Гуляем, ребята!

Он широко раскинул в стороны худосочные, но жилистые и крепкие руки и улыбнулся. Был адвокат Линьков невысок ростом, суховат и лысоват, но опять же и харизмой природной не обделен. Шла от него некая сильная и немного злая энергия, происходящая от того, что жил он в полной гармонии с собой. И был уверен в завтрашнем дне на все сто. От него исходила энергия защитника, умного и хваткого. Таких любят. Таких благодарят. Таких ценят. С такими стараются не потерять хорошие отношения.

– Кирочка, пойдем, поможешь мне стол на веранде накрыть, – прошебетала весело Марина, легко поднявшись на ступени крыльца. – Мы с Сережей тоже еще не завтракали, вас ждем. Пойдем быстрее. И пошепчемся заодно. Тебе Кирюшка не говорил, о чем я хочу с тобой пошептаться?

– Дамы, я вас умоляю! Давайте сначала завтрак, а потом уже пошептаться. Иначе я сменю дислокацию и отправлю Кирюху завтрак добывать!

– Не кричите на нас, господин адвокат, связки порвете... – легко рассмеялась Марина, хватая Киру за руку и увлекая ее в глубь дома. – Вам еще в суде выступать, господин адвокат, а как же вы будете, с ущербными-то связками...

– Марин... – неуверенно произнесла Кира, когда они вошли на залитую солнцем, красиво устроенную дачную кухню, – мне Кирилл и правда сказал, что вы... что вы... Ну, в общем, я и не против вовсе... Насчет шмоток... Ой, то есть одежды, конечно...

– Правда? Ой, как хорошо, Кирочка! А я так боялась, что ты обидишься! Ты не думай, там все практически новое! Я все равно не ношу... Куда мне все это носить-то? По приемам да балам меня Линьков не водит, сволочь такая... Слушай, а чего это ты мне завывала? Мы ж вроде на «ты» были?

– Ну да, конечно... Извините... Ой, то есть извини, конечно... Просто привыкнуть никак не могу!

– Хочешь сказать о большой разнице в возрасте, да? Обидеть хочешь бедную женщину?

– Нет, ну что ты...

– И правильно. И не обижай. А то получишь. На, неси творог на стол. И вот еще тосты захвати и масленку...

Стол к завтраку получился – хоть картину пиши. Натюрморт. Поздний завтрак на июньской веранде. И кофе тут вам с теплыми сливками, и яйца всмятку, и творог домашний, и масло, и сыр с плесенью. Кира, впрочем, наивных восторгов от такой красоты вслух не выражала – сдержанно себя вела. Вроде как и для нее это дело привычное – каждое утро сыр с плесенью на завтрак употреблять.

– Ну-ну... Рассказывай давай, как ты свой диплом защищала, – снисходительно подмигнул ей Сергей Петрович, прихлебывая свой кофе. – Какая хоть тема-то была? Влияние лунного света на рост молодежной преступности?

– Ага. Что-то в этом роде, – стараясь подстроиться под его тон, улыбнулась Кира.

– Ой, ну ладно тебе, Линьков! – напористо встряла в разговор Марина. – Ты еще заставь ее вторую защиту здесь перед тобой устроить! Ребята отдыхать приехали, а ты... Не слушай его, Кирочка! Сейчас позавтракаем и пойдем примерками займемся.

– Кто о чем, а наш вшивый о бане... – погладил жену по голове Сергей Петрович. – Ладно, ладно, любимая, не ругайся на меня, отдаю я тебе девушку на растерзание. – И, со смехом поворачиваясь к Кире, продолжил: – Ты уж перетерпи как-то эту экзекуцию, ладно? Надеюсь, к вечеру наша Мариночка с тобой управится. А главное – не бойся! Настоящую красоту, ее ж никакими нарядами не испоганишь!

Кира улыбнулась ему будто бы понимающе и даже серьезно головой покачала в знак полного с ним согласия. Она давно уже примерилась к милому между супругами Линьковыми пикированию и даже научилась принимать в нем некое посильное участие. Хотя и чувствовала себя несколько скованно – проглядывала иногда за этим пикированием обманная нарочитость какая-то. И напряженность. Как будто принимали они участие в съемках телевизионной передачи «Кривое зеркало». Или «Аншлаг». И очень переживали при этом – а вдруг после их шуток аплодисментов из зала так и не раздастся.

Приготовленные для нее наряды с барского Маринино плеча и впрямь были хороши, тут уж не убавишь, не прибавишь. И светло-серый костюм-тройка из шерстяной рогожки, и всякого цвета и фасона льняные брючата, и рубашечки-кофточка, и откровенные сарафанчики... Марина только охала, вертясь вокруг нее восторженно да сыпала названиями добротных фирм, все это красивое хозяйство производящих. Кира старалась в основном помалкивать, не обнаруживать своей в этом деле полной неграмотности. Молчание вообще золото, не зря же так говорят.

– Ой, как же хорошо, что у нас с тобой фигуры одинаковые, правда? И рост, и размер груди – все совпало. Линьковская клоунесса забьется в истерическом приступе, когда тебя в понедельник в этом костюме увидит!

– Какая клоунесса? Не поняла.

– Да есть у них в конторе одна мадам такая. Кларой зовут. Идиотское имечко, правда? Я ее клоунессой называю. Адвокатка хренова, черт бы ее побрал. С претензиями такая, знаешь. Ты от нее подальше держись на всякий случай.

«Так, Кира. Тихо. Спокойно. Сворачивай разговор в другую сторону, – отдала сама себе внутренний приказ Кира. – Вот этого нам с тобою как раз не надо. У нас с тобой свое мнение должно быть, чужим и предвзято-ревнивым мы пользоваться не будем...»

– Ой, а вот это мне тоже очень понравилось! – выхватила она из общей кучи что-то яркое и в клеточку, что при ближайшем рассмотрении оказалось маленькими забавными шортиками. – Посмотри, Марин, прелесть какая! Правда?

– Ну, это дачный вариант всего лишь. В этом на работу не пойдешь! А хотя... ты их сейчас прямо и надевай. И не снимай. О-о-о... Как у тебя сексапильно попа в них смотрится. А к ним вот этот красный топ подойдет.

– Девочки, ваше время истекло. Поехали купаться!

Кира с Мариной, обе вздрогнули от призывного голоса Сергея Петровича за дверью:

– Марина, хватит ее мучить! Отпускай уже на свободу.

– Идем, идем! – весело откликнулась Марина. – Сейчас! Мы уже закончили практически.

До большого озера с красивым названием Лебяжье было рукой подать, только небольшую рожицу перейти по тропиночке. Однако редко по этой тропиночке кто хаживал – не принято это было среди местных дачников, людей в большей своей части обеспеченных. В основном на машинах туда-сюда гоняли, пуская пыль в глаза в абсолютно буквальном смысле. Более того – даже и за неприличие почиталось, если вздумается кому пройтись немного пешочком по травке... Вот пробежки утренние до озера делать – это да. Это можно. А днем пешком ходить – это уж нет, это уж извините. Этого нам никак не позволено – дурной тон потому что.

Ступив босой ногой на белый прибрежный песок, Кира медленно подошла к воде, постояла, задрав голову к солнцу и уперев руки в бока. Хорошо как! Нет, что ни говори, а есть, есть удовольствия в такой вот обеспеченной жизни. Кто ж спорит. Никто и не спорит. Эх, маму бы сюда, этого свежего ветерка глотнуть! Хотя она тоже сейчас на природе – к тете Люсе на ее садовые шесть соток махнула. Но все равно это не то. Да там и озера такого нет, и от электрички надо семь верст киселя пешком хлебать, и глаз в одни только бесконечные луковые да морковные грядки упирается. Нет, не то, не то.

– Чур, на лодке я сегодня катаю одних отличниц! – весело крикнул Сергей Петрович, возясь с огромным амбарным замком, охраняющим закрученную вокруг дерева лодочную цепь. – Кира, садись быстрее, пока никто не опомнился.

– Да мы с Кирюшей, собственно, и не претендуем... – нарочито обиженно протянула Марина. – Куда нам, бедным двоечникам. Правда, Кирюш, сыночек мой глупенький?

– Правда, мамуль... – скорчил забавную простодушную рожицу Кирилл. – Останемся с тобою на бережку, обнимемся и плакать станем. И ждать смиренно.

– Вот и ждите. А мы поплыли. Прыгай, Кира.

Что ж, пришлось и ей вступить в эту их придурковатую игру, то есть прошествовать гордо мимо Марины и Кирилла, высоко держа голову и выпятив грудь – благо, что есть ей чего выпятить – и сесть торжественно в лодку, и помахать снисходительно ручкой на прощание. Раз так надо, значит, надо. Наверное, поговорить о чем-то хочет с ней адвокат Линьков. Ну что ж, она и ожидала, что разговор этот состоится. На работу-то он ее через Кирюху позвал, с ней самой на эту тему и не говорил пока. А может, передумал уже?

– Я тебе покажу, где настоящие кувшинки растут! Хочешь? Я сам заплыл туда намеренно, аж дух захватило! Я такие раньше в детском кино про Буратино видел... Там сидит среди них Рина Зеленая, черепаха Тортилла, и поет дурным голосом – я сама была такую триста лет тому назад... Помнишь?

– Помню, конечно! – весело рассмеялась Кира. – А у вас ничего получается, очень похоже даже.

– Ну так! Мы тоже талантами не обижены! Надо – и споем, и спляшем! А что делать – работа у нас такая.

Сергей Петрович замолчал, глядя на нее грустно улыбаясь. Лодка резво бежала по глади озера, все дальше отдаляясь от берега, скрипели весла в уключинах, солнечные сполохи дрожали в обеспокоенной движении воде. Хорошо! Тихо так, и на душе спокойно. И не хочется никаких серьезных разговоров затевать.

– Вон, смотри! Видишь? Там их много, кувшинок этих! Сейчас заплывем.

В последний раз сильно поддав веслами, Сергей Петрович аккуратно закинул их в лодку, и та сама влетела на желто-зеленый ковер и остановилась, чуть покачиваясь. И правда красиво! Желтые водяные лилии колыхались в волнах, лежа на толстых зеленых, смыкающихся между собою листьях. Казалось, можно встать на них и пойти, как по островку. Кира протянула руку, дотронулась до ближайшего цветка – на ощупь он был тугим и прохладным, и нежным, как ребячья щечка.

– Ой... И правда, как в сказке...

– Ну! А я что говорил! Нравится?

– Ага...

– Да. И мне нравится. А теперь давай, любуясь на эту красоту, и поговорим с тобой откровенно, девушка Кира.

– Ну что ж, давайте поговорим. Я готова.

Кира села прямо, уперла локти в колени, сцепила пальцы в замок. И глянула со всей решительностью адвокату Линькову в глаза.

– Готова, говоришь? Ну, тогда я буду совсем с тобой откровенен, Кира. Ты мне скажи – ты замуж за моего сына хочешь?

– Хм... Вопрос вы задали интересный, конечно... Вообще-то он мне предложения такого еще не делал.

– Так и не сделает, и не надейся. По крайней мере, пока не сделает. Бойтся потому что. Все мужики поначалу этого боятся, милая Кира. Некоторых вообще силком приходится под венец вести. Это нормально, в принципе.

– А чего вы тогда меня об этом спрашиваете? Или хотите, чтоб и я тоже – силой?

– Да бог с тобой, Кира! Ничего я такого не хочу. Пусть все идет своим чередом. Но все равно знай – мы с Мариной именно тебя выбрали себе в невестки. У нас в отношении тебя свой расчет имеется.

– Какой расчет?

– Да обыкновенный, родительский. Во-первых, ты девушка умная. Во-вторых – спокойная и уравновешенная. Без фанаберий всяких там бабских. И без страстей особенных. Ты хорошей женой Кириллу будешь. Как там Сократ барону Мюнхгаузену сказал? Попадется хорошая жена – счастливым станешь? А попадется плохая – всего лишь в философа превратишься? Нет, не хочу я для сына грустной философской судьбы. Да и не потянет он на философа – ума не хватит. Он, конечно, хитрый и хваткий парень, но балбес и лентяй страшный. Труд упорный ему был тошен – так, кажется, классик сказал? Ну, вот... А вместе вы друг друга прекрасно уравновесите. Ну что, не сбил я тебя с толку своим цинизмом?

– Да нет, не сбили... – медленно проговорила Кира, глядя поверх его головы. – Просто... странно все это...

– Что странно, Кира?

– Ну... Вы вот сейчас все одно к одному так хорошо пристроили, а про любовь и не вспомнили даже, и не спросили. А может, он и не любит меня вовсе. И я тоже. Не знаю...

– Любовь, говоришь? Хм... Потом с тобой про любовь споем, Лизавета... – голосом старшины Васкова из фильма «А зори здесь тихие» насмешливо проговорил Сергей Петрович, старательно напирая на букву «о». – Вот разобьем всех фашистов, и споем...

– Ну зачем вы так?

– А как? Я что, обидел тебя, да? Извини. А только знай, лишнее это звено в хорошем браке – любовь. Мужчина и женщина, живя вместе, просто должны получать удовольствие друг от друга, в чистом виде удовольствие, без страстей всяких. От физики, от химии, от интеллекта, от красоты, в конце концов. А любовь – это лишнее. Страсти еще ни один брак до добра не довели. Ты поверь мне, я знаю. Через меня много бракоразводных дел прошло.

– Господи, как страшно вы это все говорите...

– Да отчего ж страшно-то? – весело рассмеялся вдруг Линьков. – Смешная какая – страшно ей. Знаешь, как мы с Мариной боялись, что Кирюха какую-нибудь лахудру романтическую в дом приведет?

– А я, выходит, не лахудрой оказалась?

– Ты – нет. Ты не лахудра, слава богу. Ты именно то, что нам надо. И предложение Кирюха тебе обязательно сделает. Я так думаю, к зиме где-то разродится. Сейчас я давить на него не буду, конечно. Зачем унижать мужское достоинство, правда? Он сам должен, сам. Или пусть думает, что сам. Тут от тебя многое зависеть будет. Ты уж постарайся, Кирочка. Подсуепись как-то. Ты девушка разумная, у тебя все получится, я знаю. Не обижаешься, что я так с тобой предельно откровенен? Не люблю, знаешь, неопределенностей всяких. Должен же я знать, во что вкладываюсь. Вернее, в кого.

– Нет. Я не обижаюсь, Сергей Петрович. Спасибо вам за вашу откровенность. Я тоже неопределенностей не люблю.

– Вот и хорошо, Кирочка. Вот и договорились. Значит, прямо с понедельника и начнем тебя в классного специалиста превращать. И Кирюху тоже. Правда, от него большого проку в нашем деле не будет. На одной хитрости тоже далеко не уедешь.

– Я буду очень стараться, Сергей Петрович.

– Да уж. Старайся, конечно. Хотя предупреждаю сразу: легко тебе не будет. Наш адвокатский коллектив достаточно разношерстный, и с распростертыми объятиями тебя никто не примет, и не надейся. Особенно Клара – ты от нее вообще старайся в сторонке держаться. Умная баба, но стерва еще та. Но ничего, привыкнешь. Наоборот, для дела полезно – злее будешь. Я сейчас опишу всех твоих будущих коллег поподробнее, а дальше уж ты сама смотри, как к ним примеряться будешь. Стажерская практика – дело нелегкое, это как дедовщина в армии, если не хуже. Итак, слушай меня внимательно и запоминай.

* * *

– Что, волнуешься? – развернулся к ней всем корпусом Кирилл, остановив машину около крыльца симпатичного двухэтажного зданьяца. – Вот здесь мы с тобой и будем трудиться, смотри.

– Нисколько не волнуюсь, – напряженно улыбнулась Кира. – А что, прямо все здание, что ль, контора твоего отца занимает?

– Ага, размечталась. Знаешь, сколько сейчас аренда стоит?

– Нет, не знаю.

– То-то и оно, что не знаешь. Да и вообще, дело не в количестве занимаемых квадратных метров. По крайней мере, так отец считает. И не во внешней престижности тоже. Дело в количестве клиентов. В нашем деле ведь кто чем берет – кто качеством, кто количеством. А к шибко престижному адвокату да в красивую контору народ валом не валит, народу бы чего попроще да подешевле.

– Понятно, понятно. А сколько у твоего отца здесь комнат?

– Господи, да две всего! Одна ему кабинетом служит, а в другой все остальные сидят. Друг у друга на головах. Они уже, между прочим, успели недовольство проявить, когда он заявил, что еще два стола для стажеров поставить надо. Так что представь себе, как они сейчас нам обрадуются.

– Уже представила. Ну что ж, пошли, что ли, радовать...

– А, вот и наша молодежь, господа! – приветливо зажурчал им навстречу голос Сергея Петровича, как только они открыли дверь с большой табличкой «Адвокатское бюро». – Ну, моего оборота вы уже видели, а вот девушку еще не знаете. Девушку у нас Кирой зовут.

– Здравствуйте! – звонко поздоровалась Кира, стараясь не обнаружить голосом первой растерянности. Даже попыталась придать этому «здравствуйте» чуточку наглой в себе уверенности, еще и улыбнулась при этом широко и красиво, по-американски почти.

– Ну, давайте знакомиться. Вот это у нас Петр Константинович Левин, а в миру просто Петечка. Он у нас в основном жилищными делами занимается. Большой, большой мастер в этой области.

Петечка одарил Киру хищной улыбкой, оглядел с головы до ног. Был он мал ростом, полноват и лысоват, но по всему чувствовалось, что собственные физические данные не имеют для него никакого значения. «...Хороший адвокат, ты с ним подружись, многому научишься, – тут же воспроизвелась в голове у Киры давешняя рекомендация Сергея Петровича там, в кувшинках, на даче. – Он, знаешь, наглый такой, всюду легко вхож и так же легко его выпинывают, в любом слое общества чувствует себя, как микроб. Моментально приспосабливается. Может и с бомжом поговорить, и с олигархом. И с ходу стоимость клиента может определить. Не было случая, чтоб он в этом вопросе ошибся...»

– Ой, а стажер-то у тебя симпатичный, Сергей Петрович! Что ж ты сразу не предупредил.

– Спасибо. Я рада, что вам понравилась, – улыбнулась ему Кира. Чуть-чуть улыбнулась, уголками губ только. Хватит с него. А дальше видно будет.

– А вот это, познакомься, Клара Борисовна. Она у нас по Семейному кодексу мастерица.

– Очень приятно, – сдержанно поклонилась Кира яркой стареющей брюнетке со злыми глазами и подумала про себя: «Это и есть, наверное, та самая клоунесса, о которой Марина так неприязненно пыталась отозваться. А что – и впрямь ведь клоунесса, точнее, пожалуй, и не скажешь».

Все в этой Кларе Борисовне было как-то слишком. Слишком белая блузка, слишком высокий накрахмаленный воротник, слишком черный костюм, слишком много косметики на лице. Даже брови нарисованы черным карандашом слишком яркими дугами – сразу такая «красота» в глаза бросается. И помады на губах – тоже слишком, и злости в глазах – тоже. Как же про нее Сергей Петрович сказал? А, вот... Дама с претензиями на духовность. Книжки эзотерические почитывает, очень любит поговорить о бренности мира материального, но при этом жадна до безумия, из-за копейки когти рвать будет.

– Ну, а это наш Алексей Степанович. Очень серьезный человек. Он по уголовным делам квалифицируется, – представил третьего своего коллегу Сергей Петрович.

Алексей Степанович выглянул из-за монитора, глянул на Киру грозно, подняв очки на лоб. «Хороший дядька. Из прокуроров. Правда, туповат стал к старости, да и клиентов своим грозным видом отпугивает. Но что поделаешь, все там будем. Ты к нему тоже ключик подбери. Ну, повосхищайся немного при случае, он это любит. Все старики это любят, как дети сладкое», – опять всплыли в голове напутствия Сергея Петровича.

– Очень приятно познакомиться, Алексей Степанович, – уважительно-душевно произнесла Кира.

– Угу... – пробормотал Алексей Степанович. Потом двинул смешно складкой на лбу, отчего очки упали точным движением обратно на переносицу, и снова скрылся за своим компьютером. Отстаньте, мол. Не до вас мне тут.

– Ну что, друзья, за работу? – обратился к своему маленькому коллективу Сергей Петрович. – Что там у нас на сегодня? Я, к примеру, сейчас уезжаю – меня в совет адвокатской палаты вызвали. Интересно, что они там придумали на сей раз?.. Опять строжить будут, начальники окаянные.

– А у меня процесс на десять тридцать в Кировском суде, – быстро проговорил Петечка, роясь в бумагах на своем столе. – По делу Кротова, помните? Так что я побежал.

– Слушай, Петрович, так и я ухожу! – снова высунулся из-за компьютера Алексей Степанович. – И я сегодня в процессе.

– А мне в городскую администрацию надо, там нынче семинар по защите прав несовершеннолетних, – поднялась из-за стола Клара, решительно одергивая на себе черный пиджачок. – Так что я только после обеда буду.

– Ничего себе. А кто тогда останется-то? Что, избушку на клюшку закроем, что ли? – поднял голову от своих бумаг Петечка. – Клара Борисовна, вообще-то можно на этот семинар и не ходить. Это ж необязательно, в другой раз сходите.

– И правда, Кларочка, чего вы там не видели? Вы у нас и так умная, и без семинара бы обошлись! – пробурчал Алексей Степанович. – Зачем он вам нужен, этот семинар, Кларочка?

– Ой, мальчики, прошу вас, не тошните меня с утра! – капризно вскинула ладошку с алыми, как кровь, ногтями Клара. – Я сама знаю, что мне надо, а что не надо.

– Хм... А кто ж тогда на приеме-то останется? – растерянно воззрился на них Сергей Петрович. – Пушкин, что ли?

– Ну вот стажеры ваши пусть и остаются. У них же на лбу не написано, что они стажеры, – весело хохотнул Петечка. – Пусть народ принимают.

– Ладно, разберемся. Идите, работайте. Кира, Кирилл, зайдите ко мне, – быстро проговорил Сергей Петрович, проходя мимо них в сторону небольшого проема, отделяющего общую комнату от его маленького кабинетика.

– Значит, так, – сурово проговорил он, усевшись за свой стол. – До обеда остаетесь на хозяйстве одни. Петечка прав, у вас на лбу ничего не написано. Кто придет просто на консультацию – приглашайте, беседуйте. Если не знаете чего-то – лепите от фонаря. А если увидите, что большое дело будет – задерживайте до прихода кого-нибудь из наших. Ну, чаем там поите, кофе. Иль за жизнь беседуйте.

– Ладно, пап, поняли. Сделаем, – деловито мотнул головой Кирилл.

– Какой я тебе тут папа? Ты что, дома на кухне чай пьешь? Папа... – вдруг рассердился Сергей Петрович.

– А... Как тебя называть? Сергеем Петровичем, что ли?

– Ну не знаю... Называй как-нибудь. Придумай! А то – папа.

– А можно шефом называть?

– Ну, валяй шефом, что ли. Ладно, пошел я. Идите, работайте! Мне еще документы собрать надо. Черт, время бежит с утра, как в лихорадке.

В течение получаса всех как будто ветром смело. Последней ушла Клара – прошествовала гордо и неторопливо к двери, кинув довольный взгляд на свое отражение в зеркале. «Господи, неужели она сама не видит, как вульгарно смотрится ее яркая помада, нарисованные круглые бровки?.. – подумала Кира, незаметно провожая ее глазами. – Права, права Марина-то – настоящая клоунесса, ни дать ни взять...»

– Ну что, по кофейку дернем? – по-хозяйски открыл дверки стенового шкафчика Кирилл. – Где-то у них должно быть тут все хозяйство чайно-кофейное.

– Ты что, не трогай ничего! А вдруг нельзя? – испуганно зашипела Кира.

– Здрасьте, нельзя! Что мы, не члены коллектива, что ли? Мы теперь самые равноправные его члены, хоть и стажеры пока презренные. Так... О! Я кофе нашел! И сахар! И даже конфеты тут есть! Иди сюда, я чайник уже включил.

– Слушай, а если и правда кто на прием придет...

– Ну и что? И на здоровье, пусть приходит! Посадишь около себя, беседовать будешь. Слышала, что отец сказал?

– Я буду?

– Ну да.

– А ты?

– А что я? У меня за душой красных дипломов нету, я так посижу, послушаю. Может, и поумнею, глядишь. Тебе кофе крепкий делать?

– Мне лучше чаю зеленого.

– А, ну да. Я и забыл, что ты у нас насквозь девушка правильная. Ни кофе, ни сигарет, ни выпивки лишней. Тебе самой-то от себя не скучно?

– Нет. А тебе что, со мной скучно, да?

– Скучно, конечно. Потому и торчу около тебя уже полгода, ни на шаг не отходя. От скуки, стало быть.

– Так не торчи. В чем дело-то?

– Так поздно уже не торчать, милая моя! Торчал-торчал, да увяз с коготками, как та птичка.

Вскоре их милая привычная брань оборвалась на полуслове, не успели они ею и натешиться – в дверь кто-то постучал робко, и она приоткрылась слегка. Они вздрогнули практически одновременно, переглянулись испуганно – вот оно, началось.

– Можно? – продребезжал из дверной щели робкий женский голос.

– Да-да! – дружным хором проговорили новоиспеченные стажеры.

Соскочив с места, Кира прошла быстро через комнату, на ходу здороваясь с посетительницей, села за свой стол, приветливо показала на кресло:

– Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо... – робко присела на краешек кресла пожилая женщина весьма скромного вида и начала разглядывать Киру не то что бы с неудовольствием, а... настороженно как-то. Недоверчиво.

– Я слушаю вас... – как можно душевнее произнесла Кира и улыбнулась ободряюще.

– А вы это... правда адвокат, что ль? Уж больно молода... – недоверчиво произнесла женщина и обернулась к Кириллу, словно ища у него поддержки.

– А что она здесь делает, по-вашему? Развлекается, что ли? – нарочито недовольно проворчал Кирилл, проходя к своему столу. – Мы здесь работаем, между прочим, а не развлекаемся. Так что будьте добры изложить свою проблему, пожалуйста!

– Да, да, я сейчас... – закивала женщина. – Извините меня, конечно. Я ж не знаю ничего, к адвокатам сроду не ходила... Вот в кино показывают – так они там все больно солидные.

– Как вас зовут? – снова душевно улыбнулась женщине Кира.

– Меня? Меня Екатериной Васильевной зовут. А фамилия моя Хлопова.

– Очень приятно. А меня зовут Кира. Слушаю вас, Екатерина Васильевна.

Женщина вздохнула решительно, выпрямила спину и совсем было приготовилась говорить, но вдруг сглотнула судорожно и прямо на глазах у Киры суксилась, приготовившись заплакать. Лицо ее заходило ходуном, сотрясаясь пухлыми щеками, губы сжались в ниточку, глаза моментально наполнились влагой, руки же начали лихорадочно дергать замок старой тряпичной сумки. И не сумки даже – кошелки. Такая же кошелка была у Киры дома – она с ней на рынок за картошкой ходила. Выудив из кошелки мятый большой платок, женщина прижала его к носу, потрясла головой, то ли всхлипнула, то ли икнула очень тихо, потом произнесла горестно:

– Ой, вы простите меня, пожалуйста...

– Ничего-ничего... А может, водички? Кирилл, дай воды.

Взглянув на Киру неодобрительно – или ей так показалось с перепугу, что неодобрительно, – он поднялся с места, неторопливо прошествовал в угол, где они только что пили кофе да баловались пустыми разговорами, плеснул в стакан теплой воды из чайника. Потом так же неторопливо подошел к ее столу, молча поставил стакан перед женщиной. Та подняла на него исподлобья красные глаза, высморкалась в свой платок очень тихо. Старалась, наверное, чтоб поделикатнее получилось. Потом выговорила сипло сквозь сдавленное слезным приступом горло:

– Спасибо большое... Неловко как получилось-то, господи... Вы извините... Я сейчас. Я сейчас быстро успокоюсь и все расскажу...

Успокоилась она и впрямь быстро – вдохнула в себя воздух с шумом и успокоилась. И начала рассказывать. Как принято это у людей старшего поколения – издавека, с экскурсом в историю своей нелегкой жизни. И с подробностями. Кира ее не перебивала – просто слушала, и все, изредка ставя в блокноте только ей одной понятные закорючки. Как хорошо, что она этой стенографии в институте обучилась! Полезная вещь, между прочим. Можно слушать, на длинные записи не отвлекаясь. Поставил одну короткую закорючку – и все тебе понятно, что за ней кроется... Хотя этот грустный рассказ, пожалуй, ни за какими закорючками не спрячешь. Это не рассказ – это трагедия жизненная, на старости лет превратившаяся в абсолютную безнадегу. Можно повесть писать. Или роман. Или, может, не повесть и не роман, а пьесу с концом трагически-безнадежным. Хотя насчет юридической безнадеги – это как посмотреть. Тут просто хорошо думать надо. Она, Екатерина Васильевна Хлопова, для того сюда и пришла, чтоб убежать от этого сюжета-безнадеги, который в голове у Киры довольно скоро во всех деталях уже и обрисовался.

Будучи в девушках, юная Екатерина Васильевна выскочила замуж за очень хорошего «хлопца», как она сама выразилась. Повезло ей, лимитчице, с «хлопцем» этим, ой, повезло! В том и повезло, что не голозадым каким пролетарием этот хлопец оказался, а очень даже по тем бедным временам хорошо устроенным. А если уж совсем точной быть, то это не хлопец, конечно, а мамаша его хорошо устроенной была, а он уж при ней просто сыночком числился. Так уж у них в семье годами велось, что за мамашей этой все числилось – и жилплощадь кооперативная в единоличной собственности, и двое сыновей, за старшего из которых умудрилась выскочить замуж Екатерина Васильевна. А еще в том ей повезло, что не стала препятствовать мамаша их свадьбе, и даже в квартиру свою кооперативную на жительство приняла невестку, и прописала в ней – все честь по чести. И жили они мирно-дружно в ней вчетвером впоследствии – мамаша, Екатерина Васильевна с мужем да их ребеночек, в браке народившийся. А младший сынок мамашин в другом городе жить стал. Как в армию ушел, так домой и не вернулся, прижился где-то в дальневосточных краях. Да и куда ему было возвращаться – хоромы материнские не резиновые – двухкомнатные всего. Так и прожили они дружно все вместе тридцать лет кряду. Хотя насчет дружбы – это громко сказано, конечно. Тут уж всяко бывало. Какая такая может быть дружба, если на двух хозяек одна кухня, да и та размером два на два метра – не протолкнешься.

А потом горе на Екатерину Васильевну свалилось огромное неподъемное. В одночасье потеряла она и мужа, и сына. Возвращались на старом «жигуленке» ее мужики с рыбалки и не вписались в похмельный поворот. Вынесло машину аккуратно в рыло ехавшему из-за поворота тяжелому «КамАЗу», они даже и напугаться толком не успели. Быстро их бог к себе прибрал. Екатерина Васильевна долго не могла от этой трагедии отойти – все ходила да для себя тоже смерти просила. Только не послал ей бог смерти. Подумал, видно, да вместо смерти испытание послал – за парализованной свекровью ходить. Та уж к тому времени совсем состариться успела и смерть сына и внука пережила еще тяжелее Екатерины Васильевны. Пробило ее всю – от головы до ног. Ни двинуться не могла, ни говорить толком. Лежала трава-травой долгих пять лет да мычала сердито – еды требовала. А через пять лет скончалась – освободила Екатерину Васильевну от тяжелой обузы. Она и сама так поначалу думала, что и впрямь освободила. А оказалось – наоборот. Пришли к ней со смертью свекрови такие проблемы, что хоть снова у господина смерти проси.

На похороны свекрови приехал ее младший сынок из своих дальневосточных краев, Митя. Хорошо с похоронами помог – суетился шустро, все достойно изладил и заплатил за все. Екатерина Васильевна к тому времени с деньгами сильно уже бедствовала – на пенсию ее выгнали. Подрабатывала, правда, уборщицей в двух местах, но все равно едва хватало, чтоб

концы с концами свести. И на старость не удалось денег скопить – как их скопишь-то, с парализованной старухой на руках?..

Погостил у нее Митя после похорон еще две недели. Все бегал куда-то, бумажками какими-то тряс, комнаты да кухню метром обмеривал. А уезжая, объявил ей, что через полгода вступит в права наследства и квартира эта, стало быть, станет его единоличной собственностью, потому что он единственный прямой наследник своей умершей матушки. Екатерина Васильевна тогда спросила его: а как же я, мол? Я-то как буду? А он улыбнулся ей по-доброму и говорит: ничего, мол, не беспокойся, Катя, как жила здесь прописанной, так и жить будешь. Ну, вроде как сдавать я тебе буду квартиру эту. И дорого, говорит, не возьму, войду в положение – ты же за мамой моей ухаживала все-таки.

Обидно было Екатерине Васильевне такие слова от брата мужниного слышать, конечно. Да ничего, виду не показала. Кто его знает, Митьку этого, каким он стал. Лучше уж поблагодарить на всякий случай да и согласиться деньги ему отсылать. Тем более, они на доступной для нее сумме сговорились. Она потом узнавала, сколько люди денег отдают за съемные квартиры – столько она и впрямь не потянула бы.

Так и жила она спокойно еще три года после свекровкиной смерти, пока не появилась однажды на пороге ее жилища бойкая модная дамочка. Представилась – я, мол, покупательница этой квартиры. У Екатерины Васильевны аж дух от страха захватило, и пошла она на нее с руганью – какая такая ты тут покупательница выискалась, если я тут смолоду прописанная, а хозяин квартиры в другом городе живет? Но дамочка вовсе ее ругани не испугалась, уселась на кухне, как у себя дома, сигаретку раскурила и начала с ней беседу беседовать. И бумажками всякими под носом трясти. Вот, мол, доверенность вашего родственника, который нынешним собственником этой квартиры является, а вот закон новый, который позволяет членов семьи прежнего собственника выселить. По прежнему-то закону нельзя было, а по новому, выходит, можно. И кто их только придумывает там, наверху, эти законы, если по ним теперь выходит, что и прав никаких на эту квартиру у Екатерины Васильевны не осталось? Прожила в ней почти сорок лет, а теперь нате – прав нету. И жить негде. Только и осталось, что пойти с сумой по белу свету, милостыню просить.

Она снова замотала головой горестно, потащила к носу свой огромный измятый платок. Краем глаза Кира увидела, как поморщился от вида этого платка и даже чуть передернулся в приступе брезгливости Кирилл. Ну да. Зрелище не из приятных, кто ж спорит. Но ведь и ситуация у бедной тетке не из приятных, и наверняка ей в этой ситуации не до кружевных платочков с именными монограммами, вышитыми аккуратно на уголочке.

– Да вы успокойтесь, Екатерина Васильевна. Успокойтесь, пожалуйста. Ситуация ваша вовсе не безнадежная, я вам сейчас все подробненько растолкую.

И опять она увидела, как взглянул на нее удивленно Кирилл. И наострил уши. Что ж, пусть послушает, если не знает. А она этим вопросом хорошо владеет, между прочим. У нее и диплом на эту тему как раз писан был. И практику судебную она изучала. И знает, что лазеек всяких из этой щекотливой ситуации может быть сколько угодно, хоть и права эта модная дамочка-покупательница, толкующая бедной полуграмотной старухе про новый закон – и впрямь по нему, если говорить языком сухим да юридическим, переход права собственности на квартиру к другому лицу стал основанием для прекращения права пользования этой квартирой членами семьи прежнего собственника. Конституционное право собственности, видишь ли, этот закон защитил! Святое святых. А то, что бедной старухе жить негде, к этой святости и не относится вовсе. Как говаривал умный старичок-преподаватель у них в институте: страна в капитализм, как в дерьмо, ступила и поволокла эту ногу по всем принятым новым законам.

– ... Успокоились? Ну, вот и хорошо! – весело и уверенно обратилась Кира к несчастной Екатерине Васильевне Хлоповой, своей первой настоящей клиентке. – Я сейчас вам несколько

вопросов задам, а вы на них мне четко и лаконично... ну, то есть очень коротко и правдиво ответите. Хорошо?

– Ага... Отвечу, конечно, как смогу... – согласно закивала Екатерина Васильевна.

– Так. Вопрос первый. Вы деньги этому... ну, брату мужа... Мите, да? Вы деньги за свое проживание ему по почте отправляли?

– Ну да. Каждый месяц и отправляла. В один и тот же день. Как пенсию приносили, я сразу бегом на почту.

– А квитанции у вас все сохранились?

– А как же! Я вообще-то приборчивая, все бумажки одну к одной складываю – вдруг пригодятся.

– Ну вот и хорошо, что вы такая приборчивая оказались. А теперь послушайте меня внимательно, Екатерина Васильевна. Как придет в следующий раз покупательница этой квартиры, вы ей смело скажите – пусть потом в суд обращается с иском о вашем выселении.

– Ой, как же... Выселят ведь! Закон-то на их стороне.

– Да, закон на их стороне, к сожалению. Но есть и другой закон, который говорит о том, что новый собственник, хоть и купил квартиру, не может расторгнуть договора найма, который проживающий в этой квартире уже успел заключить с бывшим собственником. Вот как вы, например. Поскольку вы за квартиру Мите платили, у вас фактически сложились отношения найма, понимаете? И вашей покупательнице совсем неинтересно будет иметь в собственности квартиру, которой и воспользоваться практически невозможно – она внаем сдана. Ей и не останется ничего, как принять этот договор и получать от вас деньги от найма. Вместо Мити. Да и суд, учитывая ваши обстоятельства, может просто сохранить за вами право этого найма на долгий неопределенный срок.

– Ага, поняла... – согласно закивала Екатерина Васильевна. – Значит, она придет, и я ей все это и обскажу... И впрямь – зачем ей такая квартира, которую ни перепродать толком, ни жить в ней нельзя? Правда? Была б она свободной – тогда другое дело. А тут я – старая обуза с этим... как вы говорите? С наймом... Нет уж, никуда я из нее теперь не выеду. А то пристала – освободите, мол, срочно помещение. Закон такой, говорит, есть... Как хорошо, что я квиточки-то эти почтовые не выбросила.

– Ну, вот и хорошо, раз вы все поняли, Екатерина Васильевна. Я рада за вас.

– А вы еще это... вы бы записали мне все это на бумажке по-умному, а? А то я пока до дому дойду, пере забуду все... Понять-то я поняла, а вдруг сказать не сумею.

– Хорошо. Конечно, запишу. Подождите минуту.

Кира включила компьютер, проворно застучала по клавиатуре, быстро набирая нужный текст и стараясь по ходу скорректировать его под «восприятие» Екатерины Васильевны. Простите, умные люди-законодатели, за такую самовольную редакцию, за то, что воспользовалась вашим умно-громоздким юридическим текстом, как переводчик подстрочником.

– Вот, возьмите. Дома еще почитаете, чтоб вам понятнее было, – протянула она выскользивший из принтера листок своей первой клиентке. Екатерина Васильевна взяла его в обе руки, очень осторожно, как хрупкую драгоценную вещь, посидела еще минуту, потом, аккуратно свернула листок пополам и положила бережно в недра своей необъятной котомки.

– Сколь я тебе должна-то, милая девушка? – вытащила она на свет замызанную цветную косметичку, призванную, по всей видимости, играть роль кошелька.

– Ой, да нисколько, Екатерина Васильевна... Что вы... – беспечно махнула рукой Кира, жалобно умилившись на эту косметичку. – Что вы, это же всего лишь консультация была.

– Да? Ну ладно... Тогда спасибо тебе, умная девушка, от меня огромное. Дай бог тебе жениха хорошего да счастья всякого, какого сама себе хочешь. И здоровья дай тебе бог, и ума, и денег больших.

– Спасибо! – весело засмеялась Кира. – И вам того же! Всего вам доброго, Екатерина Васильевна.

Резво поднявшись из кресла, женщина кинула торопливый взгляд на Кирилла и посеменила к двери, будто боясь, что «умная девушка» возьмет да и передумает – иль бумажку обратно запросит, иль одумается да денег с нее стребует. Кто их знает, адвокатов этих? Говорят, они такие хитрые все. Только и норовят, чтоб денег побольше в карман положить.

Кира подождала, когда за первой в ее стажерской практике клиенткой закроется дверь, потом развернулась всем корпусом к Кириллу, спросила игриво:

– Ну? И какова я была в роли адвоката? Как оно? Ничего со стороны смотрелось?

– Да ужасно смотрелось... – почему-то сквозь зубы тихо пробормотал Кирилл, отвернувшись к окну. Потом встал, подошел к ее столу и, оперев в него руки и совсем близко поднеся к ней свое злое лицо, снова повторил: – Ужасно, ужасно, Кира.

– Не поняла... Ты серьезно, что ли? А почему – ужасно? По-моему, я все правильно ей объяснила. Я же помню, что есть такая статья в Гражданском кодексе, про сохранение договора найма. Да я даже наизусть ее помню, ты что! Я и практику судебную смотрела, там точно такой прецедент был.

– Да не в этом дело, Кира! Чего ты тут под дурочку косишь? Или... ты и правда ничего не поняла?

– А... что я должна была понять? – растерянно переспросила Кира, отодвигая свое лицо от его сердитых глаз подальше. И не просто сердитых, а злых даже. И раздраженных. А может, немножко и гневливых, и даже чуть презрительных – очень нехорошие были сейчас глаза у Кирилла.

– А то, что ты повела себя, как та дурочка простодушная. Как та Маша, которая на рынке морковкой со своего огорода торгует. Хороша морковка у Маши, и много ееросло, мешок целый, можно кому и просто так отдать... от доброты душевной. Одному отдала, второму отдала, а сама с пустым мешком да карманом домой пошла. Всем хороша Маша! Добрая такая! Только голодная и оборванная.

– Это ты с кем сейчас разговариваешь, Кирилл? – улыбнулась Кира, пытаясь свернуть все на шутку, и даже ресницами хлопнула наивно. – Здесь никакой Маши нету.

– Да брось придуриваться! Ты прекрасно поняла, что я имею в виду! – сердито прошипел Кирилл. – Ты что, и дальше здесь так собралась работать?

– Да как, Кирилл!?

– Душевно, великодушно и бесплатно, вот как! Зачем ты этой тетке все как на ладошке выложила? Я слушал, меня аж чуть не стошнило от твоей простоты! У тетки этой действительно ситуация серьезная, она и сама это поняла. Да она бы на любую сумму договор на судебную защиту подписала, лишь бы на улице не остаться! А ты – договор найма, договор найма... Испугайте вашу покупательницу.

– Кирилл, но подожди... Ты же видел ее! Она же пенсионерка, откуда у нее деньги на адвоката?

– Ой, да тебе какое дело, где она эти деньги возьмет! Ничего, нашла бы! У них, у старичков, всегда заначки есть. Да и не в этом даже дело, Кира! Дело вообще в принципе, в поведении твоём... Хочешь знать, оно даже неприличное, если по большому счету, твое поведение.

– В каком это смысле?

– В прямом, Кира, в прямом... В дешевом, то есть. Ну да, ты у нас девушка умная, кто ж спорит. Уж я-то знаю, какая ты умная. Мне вот, например, в области юриспруденции сто очков вперед дать можешь. Да я и не претендую, собственно. А только все твои умственные достоинства, дорогая моя, и гроша ломаного не будут стоить, если их вот так вот обесценивать благотворительностью дурацкой! Никто, никто своего даром не отдает, понимаешь? А ты отдаешь, как дешевая...

– Кирилл, прекрати! – тихо, но грозно перебила его Кира. – Не разговаривай со мной так. Я обижусь, Кирилл.

– Ой, да обижайся на здоровье. Переживу. А только на что тут обижаться-то? На простоту свою бесплатную лучше обижайся, если уж на то дело пошло. Иль ты с этой простотой собираешься себе адвокатскую карьеру сотворить? Славы защитницы бедных и униженных захотелось? Так тогда тебе не сюда надо. Тогда тебе лучше в политику пойти – там сейчас таких идиотов много. А здесь, милая моя, люди себе на жизнь зарабатывают. Здесь твоя дурная добродетель никому не нужна, запомни.

– Да знаю я, чем здесь зарабатывают. Чего ты меня воспитываешь, как маленькую? Да и вообще... Адвокат – он же не робот, в конце концов. Он тоже имеет право на человеческий фактор.

– Нет, Кира. Не имеет. Ни на фактор, ни на благотворительность, ни на жалость-доброту там всякую он права не имеет. Адвокат – как врач. Видит, что пациенту больно, но его эта боль не трогает. Его задача – не жалеть, а делать так, чтоб не болело. И не просто так делать, а за вполне законное и справедливое вознаграждение. Потому что его знания – это его источник дохода, в конце концов! А у пациента он другой, этот источник. Может, он руками себе на жизнь средства добывает, может, ногами, иль другим местом – какая тебе разница. И знаешь, мне даже стыдно за тебя сейчас было, Кира. А я не хочу, не хочу, чтоб мне за тебя было стыдно.

– Стыдно? – шепотом переспросила Кира, с ужасом глядя на него. – Ты говоришь, стыдно, Кирилл?

– Ну не за саму тебя, конечно. Я выразился, может, неправильно. Скажем так – за идиотскую простодушность твою.

– Ну, хорошо... – тихо проговорила Кира, медленно вставая со стула. – Хорошо, Кирилл. Тогда так договоримся: ты сам теперь со всеми клиентами беседовать будешь, раз тебе за меня стыдно. И консультации им будешь давать сам. Раз у тебя душа такая не простая, а сильно сложная! Сможешь? Давай-давай, а я со стороны посмотрю, оценю твои хитрые достоинства. Вот кто сейчас придет, с тем и беседовать будешь.

– Да постой, Кира, ну чего ты раскипятилась, – проговорил он вполне уже обычным голосом, стрельнув испуганно глазом на дверь. – И сказать тебе ничего нельзя, сразу начинаешь масло в голове катать. Я ведь не говорю, что ты плохо провела свою первую консультацию! Да замечательно провела! Все так объяснила этой тетке грамотно, а главное – с ходу.

– Да пошел ты! – встав к окну, через плечо огрызнулась на него Кира.

– Да ладно, не обижайся, Кирюх, чего ты... Я ж почему на тебя наехал-то? Просто обидно стало, и все... За тебя же и обидно!

– За себя лучше переживай, Плевако будущий!

– Ну ладно, ладно. Ну прости меня, Кир. Ну куда мне до твоего этого Плеваки. Я уж так, при тебе побуду, твою умную головку посторожу.

Он тихо подошел к ней сзади, сунулся было обнять, но она решительно стряхнула с плеч его руки, сама поразившись этому грубому жесту. И вообще, что-то такое нехорошее происходило у нее внутри. Злость какая-то хозяйничала, и совершенно непонятного происхождения была эта злость. Чего она вдруг? И впрямь на Кирилла так рассердилась, что ли? Но ведь по большому счету он прав. А она что – она действительно простодушной оказалась. Что правда, то правда. Слабой, значит. Вот же – и впрямь понесло ее с этой консультацией, запела-закаркала, как та дурная ворона со своим сыром в клюве... А еще это значит, что никакого адвоката хорошего из нее не получится. И в этом Кирилл прав. Черт, черт! И в самом ведь деле, она же сюда вовсе не для того рвалась, чтоб глупой благотворительностью заниматься. И главное, как-то само собой у нее это вышло, и никакая, ни задняя, ни передняя хитрая мысль даже и в голову не пришла. А вдруг у нее и способности такой вообще нет – хитро мыслить? Вдруг она, эта наука, не каждому в руки дается? А что? Бывает же... Сколько их, таких же, с красными

дипломами, прозябающих в нищете и обиженности потому только, что не научились плюсовать к своим знаниям хитроумную стратегию вместе с тактикой, собирать все это хозяйство в единый бесперебойно работающий механизм? Да несть числа! Выходит, и она среди них затесалась? Не умеет хорошо направить свои способности на отъем денег у попавшего в юридическую беду человека? Фу, звучит-то как мерзопакостно... А что делать? Как звучит, так и звучит. Мерзко, зато честно.

– Что за шум, а драки нет? – послышался в дверях веселый голос Петечки. – Вы чего это, господа стажеры, ссоритесь, что ли? Лучше бы поляну накрыли по случаю первого рабочего дня, чем отношения выяснять! – Потом, оглянув их быстрым хитрым глазом, продолжил, будто спохватившись: – Ой, а я, кажется, не вовремя ворвался, да? Помешал бурному примирению со страстными поцелуями?

– Ой, ну что вы... – отстраняя от себя Кирилла, смущенно произнесла Кира. – И ничему вы не помешали.

– Да? Ну, ладно тогда... А у меня, знаете ли, процесс перенесли – ответчик опять не явился.

Очень, очень вовремя вернулся адвокат Петечка на свое рабочее место, как вскоре выяснилось. Потому что народ вдруг повалил валом – даже небольшая очередь у дверей образовалась. Потом к Петечке присоединилась вернувшаяся со своего семинара Клара Борисовна, потом и Сергей Петрович быстро прошел через общую комнату и скрылся у себя в кабинете. Выглянув оттуда через минуту, проговорил сердито:

– Кира, сделай мне кофе! Со сливками и с сахаром!

– А... С какими сливками? – растерянно повернулась Кира к Кларе Борисовне, проводившей за дверь очередного клиента. – У вас тут где-то сливки есть, да?

– Нет, деточка, никаких сливок у нас нету и отродясь не было, – довольно рассмеялась «клоунесса», обнажив красные выпуклые десна с ярко-белыми вставными зубами. – Здесь же не буфет, чтоб кисель со сливками держать!

– А... Где я их возьму, эти сливки?

– В магазине, где! Руки в ноги – и бежишь в магазин! Шефу надо угодить, деточка.

– А если я не побегу?

Клара Борисовна остановилась на полдороге к своему столу, обернулась к ней, стала рассматривать вдумчиво и внимательно, сведя к переносью грубо нарисованные черные брови. Потом перенесла плавно взгляд в Петечкину спину, тоже направляющуюся к двери с целью проводить заплаканную молодую женщину. Закрыв за своей клиенткой дверь, Петечка обернулся к стоящей посреди комнаты Кире и, взглянув на Клару Борисовну, дернул слегка подбородком: чего, мол, тут у вас происходит?

– Да вот, Кирочка не хочет в магазин за сливками для шефа идти, – ровным голосом произнесла Клара Борисовна, никак не выразив своего отношения к происходящему. Констатировала, так сказать, факт.

Но Кира видела, что никакой такой пустой констатацией здесь и не пахнет, что очень уж интересна Кларе сама ситуация. И не то что бы интересна, а забавна даже – вон какие черты в глазах пляшут! Но ни один черт так наружу и не выскочил. Вернее, Клара не дала. Так и стояла с равнодушным лицом, продолжая пялиться на Киру, как пялятся на белую гладкую стену пациенты в очереди к врачу. Все равно ж больше взгляд направить некуда.

– Кир, а почему? – тихо и виновато спросил из своего угла Кирилл.

– Что – почему? – резко развернулась к нему Кира.

– Ну... В магазин почему не хочешь сходить? Чего в этом такого-то?

– Да, Кирочка, действительно, – с улыбкой поддержал Кирилла Петечка. – Что в этом такого? Или вы элементы дедовщины в этой просьбе высмотрели? Так уверяю вас, никакой дедовщины тут нет! И я бы, например, с удовольствием выпил кофе со сливками, терпеть

не могу черный! – И, хитро взглянув на Клару Борисовну, продолжил: – Я думаю, что шеф попросил вас сходить в магазин исключительно как... женщину. Мог бы и Кларочку, например, попросить, но она, как на грех, книжек Марии Арбатовой начиталась по молодости, теперь никак из истерии феминизма выбраться не может. Тяжелый клинический случай, в общем. А вы ж не испорченная еще этими гадостями, Кирочка! Вы ж это, наверное... Нормальная...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.